

О. Р. Тучина

Диаспора как пограничный феномен культуры

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российской Федерации в лице Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках реализации Федеральной целевой программы «Русский язык»

В статье рассматривается диаспора как особый «пограничный» культурный феномен, который формируется на основе взаимодействия историй, культур, языков и ориентаций трех актеров отношений: диаспоры, принимающей страны и страны исхода. На материале социально-психологического исследования представителей армянской диаспоры Краснодарского края показано, что эта особенность, «пограничность», проявляется в таких свойствах исторического опыта общности, как синтез исторической памяти исторической Родины и страны постоянного проживания.

Ключевые слова: армянская диаспора, «пограничность», историческая память, идентичность, исторический опыт.

O. R. Tuchina

Diaspora as a Frontier Phenomenon of Culture

The article considers the Diaspora as a special «frontier» cultural phenomenon, which is formed being based on interaction of histories, cultures, languages and orientations of the three actors relations: Diasporas of the host country and country of origin. The material of the socio-psychological research of the Armenian Diaspora in Krasnodar Krai shows that this feature is manifested in such properties of the historical experience of the community such as a synthesis of the historical memory of the historical homeland and the country of residence.

Keywords: Armenian diaspora, «frontier», historical memory, identity, historical experience.

Феномен диаспоры в современном научном дискурсе рассматривается с разных позиций. Диаспору рассматривают как географическое распыление этнических групп, вынужденных жить отдельно от других групп, принадлежащих к тому же этносу, в более сложных условиях, что определяет матрицу экономических, культурных, политических взаимоотношений, которые составляют ее основу [7; 9]. Другой подход – определение диаспоры как политического феномена, то есть как группы людей общего этнического происхождения, проживающих за пределами захваченной или независимой территории страны своего происхождения [10]. Большинство современных авторов согласны с тем, что диаспора – это этнокультурный и этнополитический феномен, обладающий следующими признаками: 1) проживание за пределами своего государства; 2) множественная этническая самоидентификация, указывающая на наличие этнокультурной связи страны приема и страны исхода; 3) наличие институтов для сохранения и функционирования диаспоры; 4) наличие стратегии взаимоотношения с государственными институтами страны исхода и страны приема [3].

Особый интерес представляет исследование диаспоры как специфического культурного фе-

номена, который формируется на основе взаимодействия традиций и современности, опыта и воспоминаний; а также взаимодействий историй, культур, языков и ориентаций трех актеров отношений: диаспоры, принимающей страны и страны исхода [8]. Диаспора формирует идентичность на основании одновременно воспоминаний и представлений о стране исхода и реальной социальной ситуации. По мнению многих авторов, только этносы, «устойчивые к ассимиляции», способны создавать диаспоры, причем ее устойчивость обеспечивается наличием некоего «стержня», в качестве которого может фигурировать историческая память, национальная идея или религия [4, с. 37].

М. Дабаг и К. Платт считают, что самосознание и самоопределение части этноса как диаспоры связаны с коллективной памятью – предотвращают «культурные забывания» [8] и сохраняют диаспору как целое, как единый организм. В данном подходе ключевая роль отводится диаспорной идентичности, которая может предложить некие коллективные ориентиры и создавать общественные институты. Многие исследователи отмечают факт множественной идентичности членов диаспоры: диаспора предполагает смешение различных культурных, социальных, политических, эко-

номических установок, характерных одновременно как для страны проживания, так и для страны происхождения. Для диаспоры важна не проблема выбора альтернативного направления в формировании идентичности и самоопределения, а проблема синтеза выбранных культурных ориентиров и создания особого типа диаспорной идентичности. Диаспорная идентичность, как отмечает М. А. Аствацатурова, является более динамичной, ситуативной и масштабной, по сравнению с идентичностью коренных (автохтонных) меньшинств [2]. Таким образом, диаспорная идентичность представляет собой «пограничное» явление: с одной стороны, представители диаспоры ориентированы на сохранение своей этнокультурной самобытности, «инаковости» по отношению к этническому большинству; с другой – ситуация длительного проживания и адаптации к новым социокультурным условиям обуславливает процесс социализации и формирования гражданской идентичности.

Особенности диаспорной идентичности как пограничного культурного явления проявляются при исследовании феномена исторического опыта представителей диаспоры. Исторический опыт рассматривается как непосредственное переживание человеком исторического события и одновременно исторической дистанции между прошлым и нынешним временем [1]. Основа подобного опыта – эмоциональное переживание отчуждения от чего-то жизненно важного, чувство ностальгии по ушедшей подлинности в контексте неопределенного и неподлинного настоящего. Исторический опыт включает не только знания об исторических событиях, но и проживание субъекта в них в рамках собственного представления о данном историческом событии. Соответственно, в таком опыте присутствует не только прикосновение к прошлому, но и переживание дистанции с этим прошлым, зазора между «тогда» и «теперь». И «вхождение» в такой зазор порождает такие чувства и переживания, как ностальгия, гордость или травма, боль, стыд [2].

Целью нашего исследования стало изучение особенностей исторического опыта армянской молодежи – представителей армянской диаспоры Краснодарского края.

Характеристика выборки. В исследовании приняли участие 105 представителей армянской диаспоры г. Краснодара: 46 мужчин (43,8 %) и 60 женщин (56,2 %) в возрасте от 18 до 26 лет.

Методы исследования. Методики «Экспресс-оценка выраженности этнической идентичности» и «Оценка чувств, связанных с этнической принадлежностью» (Н. М. Лебедева) были использо-

ваны для исследования актуальности и аффективного компонента этнической идентичности респондентов. При помощи авторской анкеты исследования исторического опыта были выявлены следующие особенности данного феномена для исследуемой выборки:

- какие события в истории своего народа вызывают у респондентов чувство гордости;
- какие события в истории своего народа вызывают у респондентов чувства горечи и боли;
- какие события в истории своего народа вызывают у респондентов чувства вины и стыда;
- персонификация образа представителя народа (исторических личностей, олицетворяющих народ, а также мифологических, литературных и киногероев – воплощение образа народа);
- источники исторического опыта.

Результаты исследования особенностей этнической идентичности респондентов показали высокую степень выраженности этничности и преобладание позитивных чувств, связанных с этим (табл. 1, 2).

Таблица 1

Результаты исследования экспресс-оценки выраженности этнической идентичности

Степень выраженности	Процент от общего числа опрошенных	
	женщины	мужчины
Совсем не ощущаю	5	6,5
Ощущаю, но очень слабо	3,3	6,5
Иногда ощущаю, а иногда – нет	18,3	17,3
Ощущаю почти всегда	21,6	19,5
Ощущаю в полной мере	51,6	50

Таблица 2

Результаты исследования оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью

Варианты ответа	Процент от общего числа опрошенных	
	мужчины	женщины
Гордость	69,5	53,3
Спокойная уверенность	26	38,3
Никаких чувств	4,3	6,6
Обида	0	1,6
Ущемленность, униженность	0	0

Исторические события, вызывающие чувство вовлеченности и сильную эмоциональную реакцию, представляют собой «точки кристаллизации» исторического опыта исследуемой группы. Как показали проведенные исследования, чувство гордости за свой народ является психологическим механизмом объединения общности, а события, вызывающие гордость, – «точкой сбора» нации [6]. У представителей армянской

диаспоры исторический опыт представлен как событиями истории армянского народа, так и России и Советского Союза.

Великая Отечественная война, унесшая бесчисленное количество жизней, стоит на первом месте в ответах респондентов на вопрос о событиях в истории своего народа, вызывающих наибольшую горечь и боль.

Наиболее сильное чувство стыда респонденты испытывают в связи с наличием крепостного права, стыд и вину вызывают современная система образования, социальной защиты, коррупция в экономической и иных сферах и распад Советского Союза (в этом варианте ответа распределение по оценке гордости и оценке чувства вины и стыда практически равномерно, то есть большинству опрошенных присуще положительное отношение к данному историческому периоду и сожаление о его окончании и последующих событиях на постсоветском пространстве).

«Точками кристаллизации» исторического опыта личности и группы являются не только исторические события, но и исторические личности, олицетворяющие народ. Наличие в массовом сознании стереотипных представлений о символах и широко распространенных образах национальных реальных и вымышленных героев, а также четко сформированный лаконичный образ представления своего народа как единой целостной характеристики, единение на почве общего героизма и завоеваний определяет значимость исторического опыта в формировании этнического самосознания личности. Результаты исследования армянских респондентов Краснодарского края показали, что представителями своего народа они считают, прежде всего, российских и советских исторических деятелей, затем представителей армянского народа и, наконец, этнических армян – представителей диаспор.

Еще один аспект изучения исторического опыта личности – выявление источника и способов его формирования. Особенностью исследуемой группы респондентов является тот факт, что большинство опрошенных (85 % юношей и 86,6 % девушек) активно интересовались историей своей семьи, что показывает важность и ценность знаний о семейной истории для нынешнего поколения, а также то, что процессы преемственности родословной памяти и истории семьи в общем и целом несохранны и устойчивы. Семейные архивы, рассказы родственников являются для данной группы респондентов не менее значимым источником, чем школьные учебники и уроки истории, которые указали 88 и 89 % ре-

спондентов соответственно. В этом представители армянской диаспоры значительно отличаются от своих русских сверстников, для которых наиболее значимыми являются школьные и вузовские уроки, а также материалы СМИ [5].

Для молодых представителей армянской диаспоры характерно активно интересоваться биографией своих предков, их участием в исторических событиях: 67,3 % юношей и 71,6 % девушек знают биографию своей семьи. Большинство этих респондентов отметили, что знают ее до 3 колена, также были ответы, показавшие знание родословной до 4, 5, 6 и даже до 12 колена. Такой интерес к прошлому семьи показывает высокую ценность исторической памяти в самосознании респондентов.

Результаты проведенного исследования армянских респондентов – представителей диаспоры – позволяют сделать следующие выводы:

– Представители диаспоры постоянно ощущают свою этнокультурную «инаковость», но относятся к этому положительно – как к особенности, отличительному признаку.

– «Точками кристаллизации» исторического опыта представителей армянской диаспоры являются события истории как армянского народа, так и России и Советского Союза.

– Молодые армяне, проживающие на Кубани, представителями своего народа считают, прежде всего, российских и советских исторических деятелей, затем представителей армянского народа и, наконец, этнических армян – представителей диаспор.

– Особенностью формирования исторического опыта представителей армянской диаспоры является активный интерес к истории семьи в контексте истории и армянского народа, и России.

Таким образом, можно говорить о диаспорной идентичности как пограничном культурном явлении, что отражается в особенностях исторического опыта представителей диаспоры.

Библиографический список

1. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт [Текст] / Ф. Р. Анкерсмит. – М. : Европа, 2007. – 612 с.
2. Аствацатурова, М. А. Диаспоры: этнокультурная идентичность (возможные теоретические модели) [Текст] / М. А. Аствацатурова // Диаспора. – 2003. – № 2. – С. 185–189.
3. Полоскова, Т. Современные диаспоры (внутриполитические и международные аспекты) [Текст] / Т. Полоскова. – М. : Научная книга, 2002. – 284 с.
4. Тощенко, Ж., Чаптыкова, Т. Диаспора как объект социологического исследования [Текст] / Ж. Тощенко,

Т. Чаптыкова // Социологические исследования. – 1996. – № 12. – С. 33–42.

5. Тучина, О. Р. Исторический опыт современной российской молодежи: особенности, источники и способы формирования [Текст] / О. Р. Тучина // Научные труды КубГТУ. – 2017. – № 4. – С. 123–133.

6. Тучина, О. Р. Национальная идентичность и исторический опыт личности: психологический аспект (на материале исследования русской молодежи Кубани) [Текст] / О. Р. Тучина // Человек. Сообщество. Управление. – 2017. – № 1. – С. 30–45.

7. Brah A. Cartographies of Diaspora: Contesting Identities. London and New York, 1993.

8. Dabag M., Platt K. Diasporas und Kollektive Gedachtnis. Zur Konstruktion Kollektiver Identitäten in der Diaspora // In M. Dabag und K. Platt (Hg.); Identität in der Fremde. Bochum, 1993, 117–145.

9. Hettlage R. Diaspora. Umriss zu Einer Soziologischen Theorie // In: Dabag M. und Platt K. (Hg.): Identität in der Fremde, 1993, p. 75–105.

10. Shain Y. Democrats and Secessionists: US Diasporas as Regime Destabilizers // In: International Migration and Security. (Ed.) by Miron Weiner. Boulder. San Francisco, Oxford, 1993, p. 287–322.

Bibliograficheskij spisok

1. Ankersmit F. R. Vozvysennyj istoricheskij opyt [Текст] / F. R. Ankersmit. – М. : Европа, 2007. – 612 с.

2. Astvacaturova, M. A. Diaspory: jetnokul'turnaja identichnost' (vozmozhnye teoreticheskie modeli) [Текст] / M. A. Astvacaturova // Diaspora. – 2003. – № 2. – С. 185–189.

3. Poloskova, T. Sovremennye diaspory (vnutripoliticheskie i mezhdunarodnye aspekty) [Текст] / T. Poloskova. – М. : Nauchnaja kniga, 2002. – 284 с.

4. Toshhenko, Zh., Chaptykova, T. Diaspora kak objekt sociologicheskogo issledovanija [Текст] / Zh. Toshhenko, T. Chaptykova // Sociologicheskie issledovanija. – 1996. – № 12. – С. 33–42.

5. Tuchina, O. R. Istoricheskij opyt sovremennoj rossijskoj molodezhi: osobennosti, istochniki i sposoby formirovanija [Текст] / O. R. Tuchina // Nauchnye trudy KubGTU. – 2017. – № 4. – С. 123–133.

6. Tuchina, O. R. Nacional'naja identichnost' i istoricheskij opyt lichnosti: psihologicheskij aspekt (na materiale issledovanija russoj molodezhi Kubani) [Текст] / O. R. Tuchina // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. – 2017. – № 1. – С. 30–45.

7. Brah A. Cartographies of Diaspora: Contesting Identities. London and New York, 1993.

8. Dabag M., Platt K. Diasporas und Kollektive Gedachtnis. Zur Konstruktion Kollektiver Identitäten in der Diaspora // In M. Dabag und K. Platt (Hg.); Identität in der Fremde. Bochum, 1993, 117–145.

9. Hettlage R. Diaspora. Umriss zu Einer Soziologischen Theorie // In: Dabag M. und Platt K. (Hg.): Identität in der Fremde, 1993, p. 75–105.

10. Shain Y. Democrats and Secessionists: US Diasporas as Regime Destabilizers // In: International Migration and Security. (Ed.) by Miron Weiner. Boulder. San Francisco, Oxford, 1993, p. 287–322.

Reference List

1. Ankersmit F. R. Sublime historical experience. – М. : Европа, 2007. – 612 pages.

2. Astvacaturova M. A. Diasporas: ethnocultural identity (possible theoretical models) // Diaspora. – 2003. – № 2. – Page 185–189.

3. Poloskova T. Modern diasporas (internal political and international aspects). – М. : Nauchnaya Kniga, 2002. – 284 pages.

4. Toshchenko Zh., Chaptykova T. Diaspora as an object of a sociological research // Sociological researches. – 1996. – № 12. – Page 33–42.

5. Tuchina O. R. Historical experience of modern Russian youth: features, sources and ways of formation // Scientific works of KubSTU. – 2017. – № 4. – Page 123–133.

6. Tuchina O. R. National identity and historical experience of the personality: psychological aspect (on material of a research of the Russian youth in Kuban) /Man. Community. Management. – 2017. – № 1. – Page 30–45.

7. Brah A. Cartographies of Diaspora: Contesting Identities. London and New York, 1993.

8. Dabag M., Platt K. Diasporas und Kollektive Gedachtnis. Zur Konstruktion Kollektiver Identitäten in der Diaspora // In M. Dabag und K. Platt (Hg.); Identität in der Fremde. Bochum, 1993, 117–145.

9. Hettlage R. Diaspora. Umriss zu Einer Soziologischen Theorie // In: Dabag M. und Platt K. (Hg.): Identität in der Fremde, 1993, p. 75–105.

10. Shain Y. Democrats and Secessionists: US Diasporas as Regime Destabilizers // In: International Migration and Security. (Ed.) by Miron Weiner. Boulder. San Francisco, Oxford, 1993, p. 287–322.